

...Вступило в свои права лето. Закончилась первая весна великой исторической семилетки, приближающей нас к коммунизму.

Широко известны успехи нашего театрального искусства. Нет такой страны в мире, где бы не ждали с нетерпением и пылким интересом советских артистов, где бы не читали с волнением материалов о нашем театре. Не будет преувеличением сказать, что советский театр занял первое место в авангарде мировой театральной культуры. И все-таки каждый из нас должен подумать о словах Никиты Сергеевича Хрущева, сказанных им писателям: «Наши писатели живут жизнью народа, они много сделали и делают, имеют самых доброжелательных и любящих их читателей — советских людей. Но дела советского народа так грандиозны и так прекрасны, что если бы вы, дорогие друзья, сделали во много раз больше, чем сделано, то и этого было бы мало, чтобы показать жизнь советского народа во всем ее великом размахе, созидательном творчестве, многообразии».

Я думаю, что эти слова — самое верное мерило нашей гражданственности, нашей художественной совести.

Основной закон нашего искусства — правда жизни, но чтобы постичь его, мало передать внешние признаки нового человека. Мы часто повторяем, что наблюдение жизни — основа нашего творчества, однако наблюдение жизни — только первый шаг к искусству. Надо еще уметь осмыслить наблюденное и определить тот поэтический угол зрения, который поможет зрителю проникнуть в суть явления. Мы должны осознать всю меру своего призвания и своей ответственности. Ни на шаг не отступая от завоеванных рубежей идейности и партийности нашего искусства, мы должны повысить свою взыскательность к его художественным достоинствам. На XXI съезде партии перед всеми нами была поставлена задача создания высокоидейных и подлинно художественных произведений искусства. Мы призваны встать в первом ряду мирового искусства не только по богатству содержания, вложенного в наши произведения, но и по тонкости художественного воплощения, по силе эмоционального воздействия. Чтобы выполнить эту задачу, мы должны проявлять больше строгости к себе, больше творческой взыскательности, должны бороться с при-

митивностью, которую нередко еще прикрываем понятием доступности.

Ведь даже понятие «зритель» претерпело огромные перемены. Мне, как председателю Ленинградского отделения Всесоюзного театрального общества, пришлось на практике столкнуться с тем, каков этот наш передовой зритель. За последнее время отделение ВТО многое сделало для сближения художников сцены и зрителей. Только за пять зимних месяцев произошло 200 встреч театров с заводами, фабриками и колхозами.

Вспоминаю, например, как группа актеров Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова пришла в гости на Ленинградский металлургический завод. Встреча состоялась в цехе, где накануне была закончена самая мощная в Европе турбина. Подножие ее стало в тот вечер сценическими подмостками, и я думаю, можно сказать с полной ответственностью, что около самой мощной турбины были продемонстрированы самые мощные корни нашего искусства — его неразрывная связь со строителями коммунизма.

Как часто еще в нашей деятельности, в наших дискуссиях мы останавливаемся перед попыткой расшифровать понятие нового героя. Десятки обсуждений, многие часы споров отдаем вопросу о понимании особенностей этого человека — героя нашего времени. А пока мы толкуем, какие это герои и должны ли они быть идеальными или неидеальными, к нам приходят эти самые герои, советские люди, изо дня в день своими руками творящие чудеса.

Строя коммунистическое общество, мы боремся за нового человека. Ростки нового в человеке видим вокруг нас, но не всегда еще умеем эти ростки перенести живыми, дышащими, цветущими в наше собственное творчество. Конечно, выезжая на фабрики и заводы, ведя занятия в университетах культуры, помогая и воспитывая участников художественной самодеятельности, мы укрепляем свои связи с народом. Но все-таки самое главное, самое органическое средство связи сценического искусства с народом — наше художественное творчество.

Мы знаем, что многие талантли-

Н. ЧЕРКАСОВ,
народный артист СССР

вые постановки классических пьес дышат современностью. Зрителей глубоко взволновало современное прочтение ленинград-

скими театрами таких произведений, как «На дне» Горького, «Пучина» Островского, «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Игрок» Достоевского, «Дело» Сухово-Кобылина. Прочный успех этих спектаклей — свидетельство верного выбора театрами репертуара и одновременно свидетельство широкой культуры наших зрителей. Но все же главное направление творчества наших театров, мера их проникновения в гущу жизни народа определяется не этим, а тем, насколько глубоко и увлекательно расскажет театр своим современникам о них самих.

Можно с полной ответственностью утверждать, что в репертуаре ленинградской драматической сцены советская пьеса заняла ведущее место. «Дали неоглядные» и «Маленькая студентка», «Сын века» и «Траса», «Битва в пути» и «Живая вода», «Трехминутный разговор» и «Москва — «Спутник» — далеко не полный перечень произведений о современности, появившихся только в последнее время. Было бы неправомерно утверждать, что каждый из новых спектаклей — безусловное достижение. Есть на этом фронте у нас немало потерь, не обошлось без обидных компромиссов.

Чем больше мы, режиссеры и актеры, зависим от творчества драматургов, тем ближе принимаем к сердцу их удачи и неудачи. Сравнительно недавно мы жаловались, что в наших спектаклях еще мало изображена современность. Теперь, на новом этапе нашей жизни, можем утверждать, что с изображением современности, так сказать, в количественном отношении сравнительно благополучно, но вот масштабы изображения, его глубина, степень проникновения в жизненные законы нас пока не могут удовлетворить. Показывая на сцене произведения о нашей жизни, мы еще очень робко ухватываем черты исторической новизны, редко достигаем крупного обобщения. Посмотрите, как часто мелочи жизни заслоняют в наших пьесах и спектаклях ее сущест-

во, как не хватает глубины содержания и емкости нашим героям.

Будем откровенны: если мы призваны воплощать на сцене образы новых людей, первооткрывателей, то нам и самим нужно быть на сцене первооткрывателями. В век автоматизации, атомной и ракетной техники мы на своем участке творчества не имеем права пахать дедовской сохой. Нет нужды повторять список крупнейших сценических завоеваний, которыми вправе гордиться советские актеры и режиссеры. И ленинградцам есть чему радоваться. Недавно ленинградский спектакль «Оптимистическая трагедия» получил высшее признание и двое из его создателей — режиссер Г. Товстоногов и актер Ю. Толубеев — отмечены Ленинской премией. К сожалению, наряду с высокими достижениями нашего искусства еще немало случаев рутинерства, дилетантизма, непозволительной безответственности.

Искусство социалистического реализма — плодороднейшая почва для раскрытия самых разнообразных художественных индивидуальностей. Боюсь, что не всегда мы пользуемся той свободой художественного выбора, которую предполагает многообразное искусство сегодняшнего театра. Иной раз мы бываем свидетелями ненужной унификации, происходящей не столько от чужь-то злой воли, сколько от недостатка инициативы. Я актер, и хорошо знаю, как часто любой из нас склонен успехи спектакля приписывать себе, а неудачи сваливать на драматурга. Едва ли такое самозащитное поведение справедливо. Конечно, актеру дано право и даже обязанность обогащать и одухотворять материал своей роли. Но, во-первых, для этого нужно, чтобы было что обогатить, т. е., чтобы в роли было поэтическое зерно характера. А, во-вторых, разве мало мы знаем противоположных случаев, когда материал роли оставался нераскрытым и актер удовлетворялся лишь внешними признаками воплощения образа, не утруждая себя обновлением приемов, необходимых для рождения нового характера.

Очень сложен вопрос о взаимоотношениях режиссуры и актеров. В наши дни уже кажется наивным возобновление споров о том, кому в театре принадлежит первое место — актеру или режиссеру. Думаю, что самое противопоставление того и другого давно устарело. Именно в лучших режиссерских спектаклях наиболее полно проявляется талант актера. В спектаклях бесформенных и безликих чаще всего оказывается безликим и исполнение. Но все-таки нельзя пройти мимо того, что привычка к режиссерской указке ослабила у многих актеров чувство самостоятельности. Есть случаи, и мы все бываем их свидетелями, когда привычка ходить на режиссерском поводу убивает самобытность актерской натуры, заглушает то особенное, единственное, что является самым дорогим в эмоциональном творчестве актера. Какой бы огромной ни была роль режиссера в театре, какое бы значение для судьбы спектакля ни имели талант и воля его постановщика, со зрителем непосредственно разговаривает актер. Мера его наполненности определяет и меру увлекательности. Температура актерского исполнения определяет и температуру зрительного зала. Но чтобы увлечь тысячи зрителей, актер должен приносить на сцену свой собственный пафос...

В искусстве целое складывается из частного. Чем больше скажет каждый режиссер и каждый актер, тем больше скажет своему зрителю весь театр. Мы находимся в счастливом положении. Интересы каждого из нас совпадают с интересами общества, в котором мы живем. Наша великая и прекрасная обязанность — общими силами, помогая друг другу, создавать искусство, достойное этого нового общества, достойное советского народа.

ЛЕНИНГРАД.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

г. Москва

18 ИЮН 1958